

КАТКИ И ОБЛАМЫ ГОДОВЫХ СМЕТ ГОРОДОВ БЕЛГОРОДСКОГО ПОЛКА 1676 ГОДА

О.В. Скобелкин,
доктор исторических наук,
г. Воронеж

На основе изучения текстов годовых смет городов Белгородского полка автор показывает, какой смысл вкладывали составители этих документов в термины «катки» и «обламы».

Ключевые слова и фразы: крепости, стены, башни, срубные конструкции.

Годовые сметы городов Белгородского полка последней четверти XVII в. содержат множество терминов той эпохи, относящихся к фортификации, артиллерии, вооружению и ряду других составляющих повседневной жизни крепостей региона. Большая их часть давно и хорошо известна исследователям и авторам различного рода словарей и справочников, однако сопоставление их толкования и употребления далеко не всегда совпадает с той семантикой, которая следует из контекста указанных источников. Некоторые же термины, даже если иногда и встречаются в исследованиях, то вскользь, скороговоркой, что заставляет предположить, что их значение осталось для авторов загадкой. Ниже автор остановится на тех терминах годовых смет, которые на его взгляд, не вполне понятно или противоречиво объясняются в работах.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» дает следующее значение слов «каток» и «катки», связанное с фортификацией: «противоштурмовые бревна, которые скатывают со стен крепости во время приступа». В качестве примера приведена цитата из Воскресенской летописи, относящаяся к 1518 г.¹, в которой слово «катки» можно истолковать в этом значении. По-видимому, такое толкование термина разделяет В.М. Жигалов: в одной из статей, посвященных фортификации крепостей Белгородской черты, на рисунке 7 «Устройство ослона земляного вала Болховца в разрезе на 1658 г.» катками названы бревна, расположенные на направляющих, наклоненных в сторону рва². Такое положение катков подразумевает, что их должны были скатывать на противника, находящегося во рву или между рвом и крепостной стеной (в данном случае – земляной вал, ослоненный с обеих сторон дубовым стоячим острогом). Так же понимают этот термин И.Г. Бурцев и А.В. Дедук: «Наверху башен и стен помещались катки («котки» — бревна для скидывания на противника)»³.

Вместе с тем в годовых сметах городов Белгородского полка постоянно встречаются следующие (и сходные с ними) формулировки: «по городу обламы и котки, и кровати зделаны»; «по городу обламы и котки, и кровати»; «по городу обламы и котки и к городской стене кровати и бойницы учинены»; «сверх острогу – обламы, на обламах положены котки»; «по острожной стене котки и обламы учинены»; «по острогу обламы и котки, и кровати учинены»; «сверх острогу срублено обломов по два бруса, на обламах – по два катка». Примечательно, что сведения о наличии катков всегда содержатся в том разделе годовой сметы, которая посвящена описанию конструкции и состоянию городских укреплений.

В годовых сметах 1676 г. есть обязательный пункт, который обычно называется «Для осадного времени» или «Для осадного времени боевые запасы». Если в городах имелось то, что требовалось записать в этот пункт, то в абсолютном большинстве случаев указывались «колья и камень» («Для осадного времени к бою изготовлено по городской стене колья и камень»; «Для осадного времени по городу на обламах положены колья и камень» «Для осадного времени по городу по обламам колья и камень»; «На кроватях положено в запас для осадного времени колья и камень»). Если же указать было нечего, то писали: «Для осадного времени никаких боевых запасов нет» или что-то подобное. В редчайших случаях вместо «кольев и камней» в качестве боевых запасов для осадного времени указывалось что-то другое; например, в Новом Осколе – «сорок шесть копеек и с древки»⁴. Но никогда в качестве «боевых запасов для осадного времени» (сейчас мы бы сказали – запасов на случай штурма) не называются катки. Следовательно, нет никаких сомнений, что для составителей годовых смет катки не были приспособлением, с помощью которого можно нанести урон врагу, штурмующему крепостные стены.

Катки, таким образом, были ничем иным, как конструктивным элементом городских укреплений. Исходя из контекстного анализа годовых смет, об этих конструктивных элементах можно сказать следующее.

Во-первых, катки были только и исключительно на стенах; на башнях катки никогда не упоминаются.

Во-вторых, катки являлись частью стен типа «стоячий острог» (как вариант – земляной вал между двух острожных стен); в тех, достаточно редких, случаях, когда в городах были рубленые стены (стены рубленые по городовому), а не стоячий острог, катки не упоминаются.

В-третьих, катки очень часто упоминаются вместе с обламами: катки кладутся на обламы.

Учитывая связь катков с обламами, имеет смысл понять, какое значение вкладывали в этот, давно и хорошо знакомый исследователям, термин составители годовых смет городов Белгородского полка.

Наверное, наиболее раннее толкование этого термина дал В.И. Даль: облам – «выступ на городской, кремлевской стене ... для удобства защиты» (статья «Обламывать»). Следующим по времени стало толкование энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «бруствер в древних крепостных оградах России (с XI в.), получивший позднее (с XVII в.) название облама или облома» (статья «Забороль»)⁵. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (картотека, легшая в его основу, создавалась в 1-й половине XX в.), дано такое же определение, что и у Даля, только понятие было распространено и на башни: обламы – «выступы у башни, крепостной, острожной стены»⁶.

В 1969 г. В.П. Загоровским было дано развернутое определение термина «облам» и опубликовано первое, и пока единственное, детальное описание конструкции обломов: «Облам – это выступ, навес над основной стеной, прикрытый снаружи еще одной защитной стенкой из нескольких рядов бревен или брусьев. Для устройства обломов бревна, лежавшие в срубе перпендикулярно к осевой линии стены, выпускались наружу на определенной высоте. На стенах обычно имелись бойницы или, как их называют источники XVII в., – «бои». В обламах, кроме бойниц, могли быть отверстия в полу. Самой распространенной на Белгородской черте конструкцией деревянной стены был стоячий острог с обламами... Для устройства над острожной стеной обломов на расстоянии около

1 сажени от стены (внутри, со стороны защитников крепости) вкапывались в землю вертикальные столбы из расчета: 1 столб против каждого десятого столба стены. Эти столбы соединялись короткими, горизонтально расположенными бревнами с основной стеной в двух ярусах. Верхние короткие бревна назывались обламными связями, они выходили над острожной стеной и поддерживали навес – облам, состоящий обычно из трех рядов бревен. Нижние короткие бревна, представлявшие собой, как и обламные связи, перпендикуляры к плоскости стены, крепились в отверстиях – проушинах и назывались проушинами. На проушины клались горизонтальные – обычно осиновые – пластины, таким образом вдоль стены устраивались мостки, называемые «кроватями»⁷. В этом описании, сделанном, судя по всему, по данным строевых книг, как представляется, немного смещены акценты, отчего назначение облама остается не вполне понятным.

Важные уточнения мы встречаем в работе М.П. Крадина, вышедшей в свет в 1988 г.: «Обламная часть башен и срубных стен отстояла от стен нижнего сруба на 15–25 см, образуя щель по всему периметру башен или вдоль прясел стен. Через эти щели поражали противника, подошедшего вплотную к стене... Высота такого облама чаще всего не превышала одной сажени, а сруб состоял обычно из пяти-восьми венцов бревен.⁸» Это описание сопровождается фотографиями нескольких башенных обломов. Здесь впервые внятно показано основное назначение этой конструкции: обеспечить поражение противника у подошвы стены или башни через «щель» и одновременно прикрыть защитников, стоящих на «кроватях».

Правда, следует иметь в виду два момента. Во-первых, ценность исследования М.П. Крадина заключается в описании сохранившихся остатков сибирских крепостей (острогов). Однако, сохранились, главным образом, башни этих крепостей. Поэтому данные, приведенные в описании обломов, касаются башен, но не стен. Во-вторых, автору неизвестен такой тип стены как стоячий острог с обламами, столь характерный для крепостей Белгородской черты, и шире – городов Белгородского полка. Поэтому, теоретически, обламные «щели» на стенах могли иметь другую ширину, нежели на башнях. Кроме того, защита людей, стоящих на «кроватях» острожной стены, как мы увидим далее, далеко не всегда осуществлялась венцами из бревен.

В 1995 г. вышло исследование В.И. Плужникова, посвященное архитектурным терминам минувших эпох; а в 2011 г. был опубликован его переработанный вариант. Автор впервые выделил два значения слова «облам»: 1) «Напуск верхних венцов над нижними»; 2) «Нависающая в сторону противника площадка на деревянной крепостной стене, имеющая в полу боевую щель для действий против осаждающих в непосредственной близости к укреплению, которые из-за этого недоступны обстрелу из бойниц». Кроме того, в определении, помещенном во 2-м издании книги, добавлено важное упоминание о том, что облам имеет «завершающий бревенчатый бруствер»⁹. Следует заметить, что формулировка 2-го значения термина («нависающая в сторону противника площадка на деревянной крепостной стене, имеющая в полу боевую щель) показывает, что автор не вполне разобрался с тем, что из себя представляли обламы: нависающей в сторону противника площадкой они, конечно, не были.

Анализ стен и башен в городах Белгородского полка в 1676 г. заставляет прийти к выводу, что составители годовых смет обламами называли два вида элементов фортификационных сооружений – башенные обламы и обламы на стенах типа «стоячий острог». Соответственно, слово «облам» имело два значения.

В первом значении облам – это низкий сруб, большой по площади, нежели площадь башни, нижние венцы которого выступают за пределы каждой башенной стены, образуя щели (15–25 см, по М.П. Крадину) для поражения противника у подошвы башни. Стены сруба образуют бруствер (парапет), закрывающий защитников. В годовых сметах высота такого облама чаще всего измерялась числом венцов сруба.

Во втором значении облам – это перпендикулярные острожной стене бревна или брусья, концы которых выступают относительно внешней стороны стены (обламные связи, по В.П. Загоровскому). Бруствер же, или парапет, образовывали горизонтальные бревна или брусья, положенные одно на другое и лежащие на обламе на некотором расстоянии от стены, образуя щель. Именно эти бревна или брусья составители годовых смет и называли катками. При этом бруствер, образуемый катками на стене типа «стоячий острог», не считался частью облама, как это было в случае с башнями.

Обламы острожных стен могли иметь и более сложную конструкцию. Так, в Остро-

гожске обламы были «рублены в три бруса». По-видимому, они представляли собой срубы («рублены») высотой в три венца; хотя и не исключено, что брусья в данном случае просто укладывались один на другой и скреплялись. Однако, бруствер и в этом случае образовывали не эти брусья, а катки: «сверху обламов положены по три котка»¹⁰. Еще более массивными были обламы стоячего острога в Хотмышке («Город Хотмышкой ставлен стоячим острогом в дубовом лесу»). При этом они, уже явно, представляли собой срубную конструкцию, поскольку ее высота указана в венцах: «обламов по пяти и по шти венцов». Но и здесь, не смотря на то, что пять или шесть венцов уже образовывали бруствер, на обламы были положены катки: «сверх обламов положено по пяти катков»¹¹.

Был еще один вариант сооружения бруствера из катков. В сметах ряда городов в описании стен, представлявших собой стоячий острог, упоминаются катки, но не упоминаются обламы. Так в смете Вольного говорится: «По острогу положены котки, и кровати сделаны дубовые»¹². Почти дословно такая же формулировка повторяется в сметах Боровли¹³, Алешни¹⁴, Корочи¹⁵, Костенска¹⁶, Чугуева¹⁷, Салтова¹⁸, Городного¹⁹ и Лебедина²⁰. То, что это не описка (слово «обламы» пропущено), показывает смета Костенска, в которой прямо указано: «Город Костенской ставлен стоячим острогом, лес дубовой, без обламов, сверху острогу положены котки». Вероятно, такая конструкция – катки без обламов – представляла собой нечто, напоминающее заборало древнерусских деревянных крепостей.

Среди городов Белгородского полка встречаются случаи, когда на стоячем остроге были обламы, но не было катков катков. В этом случае, надо полагать, облам представлял собой только срубную конструкцию, как на башнях, а бруствером служила передняя стенка сруба. Так было, например, в Обояни («обламов по три венца»)²¹ и Старом Осколе («обламов по три венцы»)²².

Из общей картины обламов и катков 1676 г. выпадает один город – Воронеж, где были рубленые стены с обламами. В годовой смете сказано следующее: «Город Воронеж, стены рублены в дубовом лесу, крыт тесом, сверх кровли положены по два котка»²³. О том, что катки находятся на кровле стены, говорится также в сметах 1682 и 1689 гг. («А та городовая стена покрыта дубовым тесом, поверх кровли катки в два ряд»²⁴; «А та городовая стена покрыта дубовым лесом,

поверх кровли катки в два ряда»²⁵. В такой формулировке назначение катков решительно непонятно: то ли в данном случае это были все-таки бревна для скатывания на противника во время приступа, то ли это был элемент крепления кровли, то ли нечто иное. В то же время в смете 1684 г. катки «помещены» на обламы: «Город Воронеж срублен в дубовом лесу и накрыт

тесом, с тарасами, в четыре стены, с обламы; на обламах катки»²⁶. Учитывая, что обламы на воронежских рубленых стенах уже по определению представляли собой срубные конструкции, а передняя стенка этих конструкций уже являлась защитой от огня противника, назначение катков в Воронеже остается, в определенной мере, загадкой.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 91.

² Жигалов В.М. Описание и реконструкция крепостных сооружений двух городов Белгородской черты: Болховца и Карпова // Белгородская черта. 2019. Вып. 4. С. 84.

³ Бурцев И.Г., Дедук А.В. К вопросу о термине «Засечная черта» и географических рамках его употребления (некоторые замечания и наблюдения) // Белгородская черта. 2020. Вып. 5. С. 17.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Д. 97. Л. 789 об.

⁵ Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. XII. Жилы–Земпахъ. С. 91.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 66.

⁷ Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 79–80.

⁸ Крадин М.П. Русское оборонное деревянное зодчество. М., 1988.

⁹ Плужников В.И. Термины русского архитектурного наследия: Словарь-гlossарий. М., 1995.

С. 94; Плужников В.И. Термины русского архитектурного наследия: Архитектурный словарь. М., 2011. С. 237.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Д. 97. Л. 884 об.

¹¹ Там же. Л. 554.

¹² Там же. Л. 582 об.

¹³ Там же. Л. 627 об.

¹⁴ Там же. Л. 643.

¹⁵ Там же. Л. 719 об.

¹⁶ Там же. Л. 1114.

¹⁷ Там же. Л. 1412 об.

¹⁸ Там же. Л. 1435 об.

¹⁹ Там же. Л. 1520 об.

²⁰ Там же. Л. 1592 об.

²¹ Там же. Л. 132.

²² Там же. Л. 474 об. – 475.

²³ Там же. Л. 1079.

²⁴ Там же. Д. 121. Л. 374 об.

²⁵ Там же. Д. 155. Л. 269.

²⁶ Там же. Д. 130. Л. 1599 об.

